

А В О Л О Ч Ь Е

...На острове Великобритания, в Лондоне был туман и часы на башнях, на углах, в офисах доходили к пяти. И в пять после бизнеса потекла из Сити человеческая волна. Великая война отсмертельствовала, из средневековых закоулков Сити, где здоровствовали до войны и священнодействовали в домах за датами 1547, 1494 только черные цилиндры, сюртуки и зонтики мужчин, черная толпа могильщиков, – теперь потекла пестрая толпа брезентовых пальто, серых шляп и женщин-тэписток, розовых шляпок, шерстяных юбок, чулок, как гусиные ноги, разноцветных зонтиков. Туман двигался вместе с толпой, туман останавливался в закоулках, где у церквей на тротуарах калеки рисовали корабли, горы, ледники, чтобы им кинули пенни на хлеб. И через четверть часа Сити опустел, потому что толпа – или провалилась лифтами под землю и подземными дорогами ее кинуло во все концы Лондона и предместий, – или вползла на хребты слоноподобных автобусов, или водяными жучками ройсов и фордов юркнула в переулки туманов. Сити остался безлюдьем отсчитывать свои века. Из Битлей-хауза на Мооргате-стрит, из дома, где за окнами были церквенка и церковный двор с пушками, отобранными с немецкого миноносца, а в нижнем этаже до сих пор от пятнадцатого века сохранилась масонская комната, – вышла девушка (или женщина?) – не английского типа, но одетая англичанкой, с кэзом и зонтом в руках; она была смуглолица, и непокорно выбивались из-под розовой шляпки черные волосы, и непокорно – в туман – смотрели ее черные глаза; у англичанок огромные, без подъема ступни, – у нее была маленькая ножка, и оранжевого цвета чулки не делали ее ног похожими на гусиные; – но шла она,

не как англичанка, ссутулясь. У Бэнка, где нельзя перейти площадь за суматохой тысячи экипажей и прорыты для пешеходов коридоры под землей, – лабиринтом подземелий она подошла к лифту подземной дороги и гостиноподобный лифт пропел сцеплениями проводов на восемь этажей вниз, и там к перрону из кафельной трубы, толкая перед собой ветер, примчал поезд. Разом отомкнулись двери, разом свистнули кондуктора, разом разминулись люди, – и поезд блестящей змеей ушел в черную трубу подземелья. В вагонах – разом – лэди и джентльмены развернули вечерние выпуски газет, – и она тоже открыла газету. У Британского музея – на Бритиш-музэум-стешен – лифт ее выкинул на улицу, и за углом стала серая, облезшая в дождях, громада веков Британского музея, но музей остался не при чем. Девушка пошла в книжную лавку, где в окне выставлено письмо Диккенса, там она купила на английском языке книги об Арктических странах, о Земле Франца Иосифа, о Шпицбергене, там она задержалась недолго. И тут же рядом она зашла в другую книжную лавку – Н.С. Макаровой; там говорили по-русски, девушка заговорила по-русски; в задней комнате, на складе, на столе и на тюках книг сидели русские, один князь и он же профессор Кингс-колледжа, один актер и два писателя из Союза Социалистических Республик, бывшей России; они весело говорили и пили шабли, как отрезвляющее; Наталья Сергеевна Макарова сказала: «Познакомьтесь, – мисс Франсис Эрмстет». Девушка и здесь была недолго, она молчала, она купила русские газеты, поклонилась, по-английски не подала руки и вышла за стеклянную дверь, в сумерки, туман и человеческую лаву. Наталья Сергеевна сказала ей вслед, когда она вышла за дверь: – «Странная девушка!.. Отец ее англичанин, мать итальянка, она родилась и жила все время в России, ее отец был наездником, она кончила в Петербурге гимназию и курсы. Она всегда молчит и она собирается обратно в Россию». А девушка долго шла пешком, вышла на Стрэнд, к Трафалгер-скверу, к Вестминстерскому аббатству, – шла мимо веков и мимо цветочных повозок на углах улиц. Темзы уже не было видно во мраке и тумане, но был час прилива, шли ощупью корабли и кричали сирены. У Чарингкрасса мисс Эрмстет спустилась в андерграунд, и под землей, под Темзой, поезд ее помчал на Клэпхэм-роад, в пригород, в переулки с заводскими трубами и с перебивающими друг друга, фыркающими динамо мастерских. Там, в

переулке, на своем третьем этаже, в своей комнате девушка неурочно стала читать газеты. В полночь заходил отец и сказал: – «Я все думаю, когда же напишет твой профессор? – Какие замечательные лошади были на петербургских бегах, какие лошади!.. Какие были лошади, если бы ты знала!» – В полночь она открывала решетчатое, однорамное, как во всех английских домах, окно, рядом во дворе фыкало динамо маленькой фабрички и в комнату облаком пополз коричневый туман. Она решила, что завтра город замрет в тумане, не понадобится итти в оффис, – можно было не спешить. Она растопила камин, переделась на ночь, белье на ней было – по-английски – шерстяное. В халатике она ходила мыться, и долго потом лежала в кровати с книгой о Земле Франца-Иосифа, руки ее были смуглы и девически-худощавы: Земля Франца-Иосифа была в ее руках. – Где-то рядом на башне часы пробили три, и закашлял отец, не мог откашляться. – –

И в этот же день на острове Новая Земля в Северном Ледовитом океане из Белужей губы должно было уйти в Европу, в Россию судно «Мурманск». Это было последнее судно, случайно зашедшая экспедиция, и новый корабль должен был притти сюда только через год, новым летом. Дни равноденствия уже проходили. Были сумерки, туман мешался с метелью, на земле лежал снег, а с моря ползли льды. Горы были за облаками. Команда на вельботах возила с берега пресную воду. Гидрографическая экспедиция шла от солнца в двенадцать часов ночи, от берегов Земли Франца-Иосифа, куда не пустили ее льды; она заходила под 79°30' сев. широты, чтобы взять там остатки экспедиции Кремнева; на Маточкином Шаре она оставила радио-станцию: через неделю она должна была в Архангельске оставить страшное одиночество льдов, тысячемильных пространств, мест, где не может жить человек, – через десять дней должна была быть Москва, революция, дело, жены, семьи; экспедиция была закончена. «Мурманск» еще утром отгудел первым гудком, матросы спешили с водой. – На всей Новой Земле жили – только – двадцать две семьи самоедов. Самоеды, ошалевшие от спирта, просочившегося на берег с судна, бестолково плавали на своих каяках от берега к пароходу. Начальник экспедиции, который был помыслами уже в Москве, писал экспедиционное донесение. Каюта начальника экспедиции была на спардеке, горело электричество,

начальник сидел за столом, а на пороге сидел самоедин, напившийся с утра, теперь трезвевший и клянчивший спирта, предлагавший за спирт все, – песцовую шкурку, жену, каяк, малицу. Начальник молчал. Когда самоедину надоедало повторять одни и те же слова о спирте, он начал петь, по получасу одно и то же:

Начальник сидит, сидит,
Хмурый, хмурый – –

Начальник обдумывал, какими словами написать в донесении о том, как север бьет человека: – –

– – на радио-станции X, в полярных снегах, в полугодовой ночи, в полярных сияниях, зимовали пять человек, отрезанных тысячами верст от мира; они устроили экспедиции обед, начальник радио-станции положил себе в суп соли, – и тогда студент-практикант, проживший год с начальником, закричал: – «Вы положили себе соли, соли! Вы положили столько, что нельзя есть супа! Вылейте его! Иначе я не могу!» – начальник сказал, что соли он положил в суп себе и положил соли так, как он любил; студент кричал: – «Я не могу видеть, вылейте суп! я требую!» – студент заплакал, как ребенок, бросил салфетку и ложку, убежал и проплакал весь день. Пятеро, они все перехворали цынгой; они не выходили из дома, потому что каждый боялся, что другой его подстрелит, и они сидели по углам и спали с винтовками, – они, из углов, уговаривались итти из дому без оружия, когда метелями срывало антенны и всем пятерым надо было выходить на работу; все пятеро были сумасшедшими.

– – «Мурманск» снял в самоедском становище на Новой Земле уполномоченного от Островного Хозяйства: это был здоровый, молодой, культурный человек; он прожил год с самоедами: и он сошел с ума: он бросил курить – и запретил курить всему самоедскому становищу, – он прогнал от себя жену и запретил самоедам принимать ее, и она замерзла в снегу в горах, когда пешком пошла (собак он не дал ей) искать права и спасения за сто верст к соседним самоедским чумам; он запретил самоедам петь песни и родить детей; когда «Мурманск» пришел к бухту, он стал стрелять с берега, и ни один самоедский каяк не пошел навстречу кораблю; команда с корабля пошла на вельботе к берегу, – он заявил, что не разрешает здесь высаживаться, ему показали

рейсовую путевку судна, – он ответил, прочитав: – «в бумаге написано – «на берега Новой Земли», – а здесь не берег, а губа», – и его, сумасшедшего, теперь везли, чтобы отдать в больницу.

– (гибели экспедиции Николая Кремнева посвящена эта повесть; Кремнев возвращался с «Мурманском»).

Начальник обдумывал, как записать все это в экспедиционное донесение. Самоедин пел:

Начальник сидит, сидит,
Хмурый, хмурый – –

В бухте была зеленая вода, за бухтой в море синели льды. Берег уходил во мглу; снег на горах, сливаясь с облаками, был сер, и черною грязью вдаль казались еще не замеченные снегом горные обвалы и обрывы. Самоедского становища в тумане не было видно. Была абсолютная тишина. Пришел матрос, сказал: – «Вода взята, ушел последний вельбот, капитан скомандовал в машину нагонять пары. Капитан спрашивает, давать второй свисток, чтобы все были на борту?» – «Давайте», – ответил начальник. Самоедин на пороге посторонился матросу, матрос весело сказал самоедину: – «Ну, а ты, Обезьян Иваныч, бери ноги в руки, катись на берег, а то увезем в Европу!..» – помолчал и добавил строго: – «катись, катись, надоел, – сейчас уйдем в море!» – Пароход сипло загудел, надолго, раз и два, – и в горах отдалось сиплое эхо, – вахта пошла на места. Начальник прошел к капитану на мостик. Самоеды – нырками – плавали около парохода. Через полчаса пароход должен был выйти в море, в неделю пути океанами и просторами, чтобы через десять дней была Москва: это был последний пароход с Новой Земли, Новая Земля оставалась на год во льдах, холоде и мраке. Экипаж был уже на борту, вельбот поднимали на палубу.

И тогда от берега по воде с быстротою полета птицы помчал каяк, человек из него кричал, останавливая. Каяк ласточкой прильнул к штурм-трапшу, и с ловкостью обезьяны на палубу влез самоедин, в малице, в пимах, испуганный и запыхавшийся. И на палубе сразу исчезла его ловкость и быстрота, – он стоял смущенный и растерянный. И те самоеды, что слезли-было с судна, вновь поднялись на него, стали у фальшборта, взволнованные, шумливые, враждебные. Тот, что влез первым,

– вдруг раскис и заплакал, по-бабьи, гугниво. Начальник спросил его: – «В чем дело, чего ты хочешь?» – Тогда зашумели все самоеды, и тогда узналось, что этот самоедин, прознав про стоянку судна, приплыл на каяке из-за сотни верст, из своего становища, – что в прошлом году он заказал привезти себе из Европы десять семилинейных ламповых стекол – и ему привезли семь десятилинейных, он ждал стекол целый год, – он будет ждать еще год, – но – чтобы обязательно ему их привезли, иначе он не хочет России, она ему не нужна, ему все равно – леший там или царь, ему нужно десять семилинейных, а не семь десятилинейных, – и тогда он отдаст эти семь десятилинейных! – На судне не нашлось семилинейных стекол, но нашлась двухлинейная жестяная лампочка со стеклами, ее отдали самоедину. И еще на складе оказалась коробка с гривенничными компасами, такими, какие матросы любят вдевать в петлицу вместо брелока к часовой цепочке: каждому самоедину был дан такой компас. – Тогда капитан крикнул с мостика, облегченно и с напускною строгостью: – «Эй, тылки-вылки, марш с корабля, живо!» – И самоеды с ловкостью обезьян посыпались за борт на свои каяки. Третий отревел гудок, загремела лебедка, принимая якорь.

Через час земля исчезла во мраке, была уже ночь и в облаках серебрела луна. Здесь был ветер, разводил волну; судно, покряхтывая, ложилось на волны, на бак заплескивалась вода, иногда в такелаже начинал ныть ветер. Судно замерло в ночи. На капитанском мостике в рулевой стояли вахтенный матрос и штурман. На румбе был юг, кругом были холод и мрак.

– Через неделю дома! – сказал матрос.

Начальник у себя в каюте писал вахтенное донесение. Рядом в каюте младшие сотрудники пели песни в предчувствии земли, Москвы. – А самоедин, тот, что год ждал семилинейных стекол, шел в этот час обратно к себе в становище. За пазухой у него были лампа и компас, за плечами висела винтовка системы Браунинг. Лед сгруживался у берегов; когда по пути вставали большие ледяные поля, самоедин вылезал на лед, взваливал себе на голову свой каяк и шел пешком, – потом опять плыл по воде. О полночь он устроился спать на берегу, на снегу; за пазухой у него было сырое оленьё мясо, он поел его; потом лег на снег, поджав под себя ноги, прикрыв себя каяком. Лампочку, чтобы не раздавить, он поставил в сторонку. –

И в этот же час – еще за полтысячи верст к северу – на Шпицбергене, на жилом Шпицбергене, в Айс-фиорде, в Коаль-сити, на шахтах – одиночествовал инженер Бергринг, директор угольной Коаль-компании. Здесь не было тумана в этот час и была луна. Домик прилепился к горе ласточкиным гнездом; вверх уходили горы и шел ледник; гора была под домиком, и там было море, и там, на том берегу залива, были горы, все в снегу, – была луна и казалось, что кругом – не горы, а кусок луны, луна сошла на землю. Была невероятная луна, диаметром в аршин, и блики на воде, на льдах, на снегу казались величиной в самую луну, сотни лун рождались на земле. И над землей в небе стояли зеленоватые столбы из этого мира в бесконечность – столбы северного сияния, они были зелены и безмолвны. Домик был построен, как строят вагоны, из фанеры и толя, привезенных с юга, потому что на Шпицбергене ничего не растет, и он был величиной в русскую теплушку: такая теплушка прилипла к горе. И все же в домике было четыре комнаты, кабинет был завален книгами и там стоял граммофон, а в конторе стоял радио-аппарат, и в каждой комнате было по кафельному маленькому камину. – Человечество не может жить на Шпицбергене – север бьет человека, – но там в горах есть минералогические залежи, там пласты каменного угля идут! над поверхностью земли, – и капитализм – –

– – ночь, арктическая ночь. Мир отрезан. Стены промерзли, – мальчик круглые сутки топит камин. За стенами – холод, то, что видно в окно, – никак не земля, а кусок луны в синих ночных снегах, и Полярная звезда прямо над головой. Инженер Бергринг долго слушал граммофон, мальчик принес новую бутылку виски, – инженер Бергринг подошел к окну, там луна сошла на землю. В это время в канторе радио вспыхнул катодную лампочкой, – оттуда, из тысячи верст, из Европы, зазвучали в ушах таинственные, космические пуанты и черточки:

– ч-ч-чч-та-та-тсс... – –